

Ангел-хранитель Михаила Булгакова

Вечерняя Москва. - 2000. - 24 августа. - с. 8.

Будущий автор «Мастера и Маргариты» хотел сделать из жены наркоманку

Татьяну Лаппа, скромную девушку из Саратова, Михаил Булгаков любил до безумия. Рука об руку они прошли через революцию, голод, болезни, нищету. А потом Михаил Афанасьевич предпочел Татьяне Николаевне светскую львицу Любовь Евгеньевну Белозерскую. Но развелся и с ней, встретив обожествляемую им Елену Сергеевну, ставшую его третьей женой. И все же перед смертью Булгаков вспоминал о Тасе... О них, их чувстве написал Варлен СТРОНГИН в книге «Любовь Михаила Булгакова». Издательство «Центрполиграф» готовит книгу к выходу в свет, мы же предлагаем читателям фрагменты из нее.

жечкой и почти насильно вприснул ей морфий. Видимо, считал, что, будучи больна сама, она никогда не донесет на него. Михаил знал, что она ждет ребенка. Не хотел его. То ли из эгоизма, то ли из-за трудностей, связанных с его рождением. Теперь у него была одна забота — достать опиум. Детей он любил, но чужих. Тася думала, что так не бывает, что свой ребенок ему будет ближе, чем другие. Одно его слово — и она оставила бы ребенка, несмотря на революцию, на неизвестное будущее. Она понимала, что у Михаила и, возможно, у нее это последний шанс иметь ребенка, создать крепкую полноценную семью.

минуту он замешкался, наверное, осознавая, на что идет, потом лицо его стало жестоким. Тася уже ничему не удивлялась. Она понимала, что Миша теперь не тот, что был раньше, когда нежно и неудержимо ухаживал за ней. Она заплакала. Он сделал вид, что не замечает ее слез, приказал идти в операционную. Кажется, аборт он делал первый раз в жизни... Полистал медицинскую книгу и натянул на руки резиновые перчатки. После аборта с Тасей не разговаривал. — Ну как? — спросила она. Он ничего не ответил. Сел за стол, подперев голову руками. Потом засуетился, поднялся. Видимо, организм требовал очередной порции наркотика. Тася надеялась: когда кон-

немалое количество опиума. Вернулся веселым, даже бодрым. Тася решила воспользоваться его хорошим расположением и повторила трюк с дистиллированной водой. Михаил разъярился, схватил со столика горящий примус и швырнул его в Тасю. К счастью, пока он разворачивался с примусом, она успела скользнуть за дверь комнаты. Долго не возвращалась, прикладывая ухо к двери, пока не услышала характерный звук надломленной ампулы, а затем и легкое похрапывание. Примус валялся на полу в лотке керосина. Чудо, что не начался пожар. После приема наркотика Михаил чувствовал спокойствие. Даже пробовал писать. Тася просила показать написанное, но он только отшучивался: «Нет. Ты после этого спать не будешь. Бред сумасшедшего». Осенью Булгакова по его просьбе перевели в Вязьму. Татьяна Николаевна ходила по аптекам и доставала для него

Неожиданно Михаил достает из-под подушки наган и нацеливает его на Тасю: — Вы все против меня. Беги в другие аптеки. Не принесешь — убью. В самой дальней аптеке ей отпускают лишь однопроцентный раствор. Чтобы он дал эффект, его надо впрыскивать десятков раз. Сдачу фармацевт не дает, опустив глаза. Понимает, зачем ей опиум. Пусть раскошелится! Михаил по ее ошарашенному виду понимает, что она принесла не то, что он хотел. Разворачивает пакет и бросается на Тасю с кулаками. Она увертывается от ударов, но не всегда удачно, и думает: «Борьба так борьба! Я буду уменьшать дозу. Все равно буду!». На трое суток Миша исчез из дома. Наверное, ездил в Москву, к коллеге-товарищу, специалисту по наркологии, ездил советоваться. Когда вернулся, сказал: — Сделай мне укол, — и назвал дозу меньше прежней. Тася ликовала. Она говорила мужу: «Надо уезжать в Киев. Ведь и в больнице уже заметили. Сообщат из аптеки, что тогда будешь делать?» В феврале 1918 года Булгаковы уехали в Киев. — Он выздоровел. Почти. Он резко уменьшил дозы наркотика, — сказала она матери Михаила. Варвара Михайловна усмехнулась: — Это там, в глубинке, было тяжело с опиумом. В Киеве он продается в любой аптеке. Боритесь за своего мужа и моего сына. — Голос ее дрогнул: — Я тебе сочувствую, Тася... Не смея послушаться мужа, Тася вновь стала ходить по аптекам. Опиум продавали без рецепта, и можно было взять несколько пузырьков в разных местах. Миша сливал их содержимое в стакан и выпивал ра-

зом, потом мучился желудком. Она попробовала через шприц вместо опиума снова вприснуть дистиллированную воду. Он бросил в нее этот шприц. В другой раз — горящую лампу. Нацелил браунинг. Где он его взял? Нашел? Снял с убитого? Выменял? Тася браунинг выкрала и отдала братьям, как в Вязьме выкрала и выбросила наган. После этого она заявила Михаилу: — Я больше в аптеки ходить не буду. Там записали твой адрес, фамилию, звонили в другие аптеки: мол, не брала ли я у них морфий. Они сказали, что брала, что собираются отнять у тебя печать. Булгаков побледнел, как умирающий. Он больше всего на свете боялся потерять печать. Без нее он не смог бы практиковать. И тут случилось чудо: постепенно он стал осознавать, что с наркотиками шутки плохи, надо кончать. Трудно ему приходилось, но он терпел. Тася была уверена, что принудил его к этому не только страх потерять практику. Рядом были мать, братья, сестры. Перед ними, считавшими его надеждой семьи, было стыдно. И еще спасло его неодолимое предначертание Божье или (называйте его как хотите) давнее предначертание совершить

в жизни такое, чего еще никто не сотворил. Оно незримо поселилось в нем и вело к спасению... Тася была безумно рада, что вернула его к жизни. Вспомнив все унижения, страхи, обиды, она подумала: «Самое страшное не длится вечно» — и улыбнулась спокойно и радостно, как в старое беспечальное время. ...Прошли годы. Булгаковы перебрались в Москву. Михаил требовал от «быстрой дамочки» Таси невозможного. Полугодная, обегающая Москву в поисках более дешевой еды, выполняющая роль его курьера и готовая, желающая душевно разделить с ним его трудности, но даже не удостоенная прочесть то, что он пишет, как она могла быть его соратником по литературе? Только ангелом-хранителем. Умерла Татьяна Николаевна в начале 70-х в Туапсе. Упала на кухню, ударилась о батарею отопления. Когда дверь открыли, она лежала под кухонным столиком в луже крови. На ее могилу положили камни, но вскоре они заросли бурьяном. И тогда сердобольная соседка отметила на кладбищенской стене крестиком место захоронения. Подготовил Сергей БОРИСОВ

Однажды Тася сама предложила сделать укол и вместо наркотика вприснула дистиллированную воду. Он неподвижно просидел минуту, другую, а потом, поняв, что его обманули, разразился ругательствами

Авторы-булгаковеды, наверное, находясь под влиянием величия писателя, стараясь не бросить тень на гения, очень мягко, а иногда между прочим списывают годы его жизни и врачебной практики в Никольском и Вязьме в 1917 году. ...Привезли ребенка с дифтеритом, и Михаил стал делать грахеотомию. Надрезал горло и вставил в него трубку. Михаил отсасывает из горла пленки и вдруг спокойно говорит Тасе: «Знаешь, мне, кажется, пленка в рот попала». Когда возник зуд и опухло лицо, он крикнул: «Сейчас же зови Степаниду». Приходит медсестра. Он ей: «Принесите быстрее шприц и морфий». Тася знала, что Михаил человек сильный, герпеливый, думала, он выдержит боль... Степанида вприснула морфий, и он сразу уснул. Ему это понравилось... И в последующие дни, как только становилось неважно, он опять вызывал фельдшерицу. Тасе стало страшно. Что-то с Михаилом случилось неладное. Такую слабость он никогда раньше не проявлял. Мокет, расстроился оттого, что она забеременела, но ей казалось, что больше на него по-

действовало крушение мира, в котором он жил, хотел стать блестящим врачом. Он почувствовал всю безысходность бытия и пытался при помощи морфия уйти от действительности, хотя бы на время забыться. ...Есть несколько версий, на основе чего у Михаила Афанасьевича наступило привыкание к морфию. Возможно, мысли о разбитом вдребезги прошлом действительно могли привести к изменению в психике, и Булгакову на какое-то время стало безразлично, что с ним будет. А возможно, он, испытывавший прежде действие кокаина, находясь в сильном нервном расстройстве, решил выйти из него с помощью другого наркотика. Поначалу Тася растерялась. Она знала, что Михаил болен, но как лечить его? К кому обращаться? Он понимал ее сомнения и однажды жалостливо произнес: «Ведь ты не отдашь меня в больницу? Не отдашь?». Вид у него был настолько несчастный, что у Таси сжалось сердце. Но все-таки он боялся, что она отправит его лечиться. И однажды воспользовался сильными болями у нее под ло-

Однажды Миша намекнул: мол, какой ребенок может родиться от морфиниста. — Но я совершенно здорова! — возразила Тася. — На меня и кокаин и морфий действовали одинаково отвратительно. Муж недовольно скривил лицо. Запас морфия кончался. Михаил дважды в день делал себе уколы. Тася боялась, что состояние его ухудшится, и попросила сделать ей аборт. На

чатся запасы морфия, отвыкание от наркотика начнется само собой. Но этого не случилось. Однажды она сама предложила сделать укол и вместо наркотика вприснула дистиллированную воду. Он неподвижно просидел минуту, другую, а потом, поняв, что его обманули, разразился ругательствами. Михаил поехал в Вязьму и там по своим рецептам набрал

опиум. Но аптекари все реже и реже отпускали его ей, хотя она предъявляла рецепты, написанные Михаилом. Печать-то у него была! Один раз отказали наотрез... Тася в слезах прибегает домой. Михаил встречает ее нервной, с горящими глазами: — Принесла? — Нет. Фармацевт сказал, что увеличивается доза, что он не может отпустить опиум.